

*Посвящается Джексону
на случай, если меня не будет рядом,
чтобы рассказать тебе эту историю*

Быть может, ты увидишь
сокровенный смысл,
Это бытие,
Это бытие».

Джон Леннон и Пол Маккартни

Пролог

Я почти час просидел у постели Эми, и она наконец шевельнулась. Когда я подошел к ее кровати в маленькой канадской больнице, неподалеку от Ниагарского водопада, девушка спала. Будить ее казалось бессмысленно, даже грубо. Я знал: оценивать самочувствие пациентов в вегетативном состоянии, когда они на половину спят, бесполезно. Потом глаза Эми раскрылись, голова приподнялась. Девушка застыла не мигая, только взгляд блуждал по потолку. Ее густые темные волосы были коротко подстрижены и уложены в аккуратную прическу, как будто парикмахер побывал здесь всего несколько минут назад. Интересно, явилось ли это внезапное движение результатом автоматического запуска нейронной сети в ее мозге?

Я пристально всмотрелся в глаза Эми. И увидел лишь пустоту. Тот самый бездонный колодец пустоты, который видел бесконечное количество раз у пациентов вроде Эми. О них говорят «в сознании, но без осознания». Эми никак не дала понять, что видит меня. Она зевнула. Широко раскрыла рот и с долгим, почти горестным вздохом упала на подушку.

Спустя семь месяцев после несчастного случая трудно, конечно, представить, какой Эми была раньше. Она училась в колледже, играла в баскетбол и не имела

серьезных поводов для печали. Как-то поздно вечером девушка, возвращаясь с компанией из бара, встретила парня, с которым недавно рассталась. Бывший приятель сильно толкнул ее, и она, упав навзничь, ударилась головой о бетонный бортик тротуара. Другая на ее месте отдалась бы парочкой шрамов или сотрясением мозга, однако Эми не повезло. Ее мозг стукнулся изнутри о черепную коробку. Сорвался с привязи, как срывает штором корабль от причала. Когда ударные волны изрезали и смяли важнейшие участки мозга, включая те, что находились вдали от точки удара, нервные волокна натянулись, а кровеносные сосуды разорвались. И вот теперь у Эми торчала из живота гибкая трубка, по которой поступали жизненно важные жидкости и питательные вещества. Мочу выводили через катетер. Позывы кишечника Эми не контролировала, на ней были впитывающие подгузники.

В палату неторопливо вошли два доктора.

— Каково ваше мнение? — спросил старший коллега, глядя мне прямо в глаза.

— Ничего не могу сказать, пока не сделаем сканирование мозга.

— Что ж, не люблю гадать, но в данном случае я практически уверен, что пациентка находится в вегетативном состоянии.

Его голос звучал беззаботно, почти весело.

Я промолчал.

Вошедшие обратились к родителям Эми, Биллу и Агнес, которые терпеливо ждали все время, пока я наблюдал за их дочерью. Не старая еще супружеская пара, лет около пятидесяти, оба ухоженные, — они явно были измучены. Агнес сжала руку Билла, слушая, как доктора объясняют, что Эми больше неспособна воспринимать речь, у нее нет ни воспоминаний, ни чувств, она не ощущает ни боли, ни радости. Врачи напомнили, что за де-

вушкой потребуется круглосуточный уход до конца ее дней. И поинтересовались: не стоит ли родителям в отсутствие других предварительных распоряжений подумать об отключении Эми от системы жизнеобеспечения и позволить ей умереть? Разве не этого пожелала бы она сама?

Родители Эми были не готовы принять такое решение и подписали документ, согласно которому мне предоставлялась возможность сделать их дочери магнитно-резонансную томографию и попытаться выяснить, не осталась ли где-то в глубине мозга Эми хотя бы частичка той девочки, что они так любили. На машине скорой помощи Эми перевезли в Университет Западного Онтарио, где я руковозжу лабораторией, в которой мы исследуем больных, перенесших острые черепно-мозговые травмы или страдающих от последствий таких нейродегенеративных расстройств, как болезни Альцгеймера и Паркинсона. С помощью новейших технологий сканирования мы как на ладони видим изображение мозга пациентов и вырисовываем их внутренние вселенные. В результате нам открывается то, как, каким образом мы думаем иствуем, каковы основные конструкции нашего сознания и архитектура нашего чувства самосознания — мы видим буквально воочию, что значит быть живым и быть человеком.

Спустя пять дней я снова вошел в палату к Эми. Билл и Агнес сидели у кровати дочери. Они одновременно взглянули на меня, ожидая ответа. Я глубоко вздохнул и сообщил им то, на что они запрещали себе надеяться:

— Сканирование показало, что Эми вовсе не находится в вегетативном состоянии. Она осознает происходящее.

За пять дней интенсивных исследований мы выяснили, что Эми не просто жива, а пребывает в полном сознании. Она слышит все разговоры, узнает всех посети-

телей и внимательно слушает, какие решения принимаются якобы с ее согласия. И в то же время она не может шевельнуться и как-то сообщить окружающим: «Я здесь. Я еще не умерла!»

* * *

Книга «В серой зоне» — это рассказ о том, как мы научились устанавливать контакт с пациентами вроде Эми, и о том, как исследования разного рода травм оказали влияние на науку, медицину, философию и юриспруденцию. Пожалуй, самое важное наше открытие состоит в том, что от пятнадцати до двадцати процентов больных, находящихся в вегетативном состоянии, которых считают попросту «овощами», на самом деле полностью осознают происходящее, хоть и не имеют возможности ответить на внешние раздражители. Они могут открыть глаза, издать хрипы и стоны, иногда произносят бессвязные фразы. Эти люди, будто зомби, живут в собственном мире без мыслей и чувств. Многие действительно неспособны думать, как справедливо считают их лечащие врачи. Однако значительное количество пациентов на самом деле чувствуют себя иначе: их неповрежденный разум заключен в израненном теле и мозге.

Вегетативное состояние — целый мир в сумрачных областях серой зоны. Прошу не путать с коматозным состоянием. Люди в коме не открывают глаза и, судя по внешнему виду, ни в малейшей мере не осознают происходящее. В мультфильме «Спящая красавица» студии Уолта Диснея (многим родителям этот фильм наверняка знаком) сон Авроры напоминает коматозное состояние сродни колдовскому оцепенению. В реальности все куда прозаичнее: нам приходится иметь дело с обезображивающими травмами головы, деформированными конеч-

ностями, сложными переломами и изнурительными болезнями.

Некоторые пациенты, находящиеся в серой зоне, могут подать знак, что они понимают происходящее. О таких говорят: «В минимальном сознании». Иногда они реагируют на просьбы шевельнуть пальцем или проследить взглядом за предметом. Эти пациенты то постепенно теряют сознание, то будто выныривают из глубокого колодца, показывая нам, что живы, а потом снова уходят в бездонные глубины.

Синдром «запертого человека», в сущности, нельзя назвать состоянием серой зоны, однако оно достаточно близко к состоянию тех, кого мы исследуем в нашей лаборатории, и помогает нам понять, как именно существуют наши пациенты. При синдроме «запертого человека» пациент полностью в сознании и, как правило, может моргать и двигать глазными яблоками. Жан-Доминик Боби, редактор французского издания журнала «*Elle*», — один из самых известных пациентов, живших с этим синдромом. После обширного инсульта головного мозга Боби обнаружил, что полностью парализован и способен лишь моргать левым глазом. С помощью ассистентки Жан-Доминик написал книгу «Скафандр и бабочка». Чтобы создать это произведение о своей жизни, журналист моргнул двести тысяч раз.

Боби очень живо описал свое состояние: «Мой разум порхает подобно бабочке. Столько дел, столько дел... Можно заехать к возлюбленной, сесть рядом и нежно погладить ее по сонному лицу. Можно построить замки в Испании, похитить Золотое Руно, отыскать Атлантиду, исполнить детские мечты и претворить в жизнь всевозможные планы». Конечно, эта «бабочка» и есть разум Боби — свободный, не отягощенный физическим телом, ответственностью, готовый лететь куда душа пожелает. Однако в то же время Боби заперт в «скафандре»,

тесном пространстве, из которого не выбраться и который опускается все глубже в бездну.

Спустя несколько дней после магнитно-резонансного сканирования Эми я присел у ее постели. Мне отчаянно хотелось понять, о чем она думает и что чувствует. Я вижу, как она конвульсивно подергивается, у нее вырываются спазматические булькающие звуки. Ощущает ли она себя, как Боби? Открылась ли перед ней воображаемая вселенная свободы и бесконечных возможностей? Или девушка заключена в мучительной тюрьме, откуда нет спасения?

Когда я сообщил о результатах сканирования родителям Эми, ее жизнь круто переменилась. Агнес проводит у постели дочери дни и ночи, читает ей вслух. Билл заходит каждое утро, приносит свежие газеты и пересказывает Эми последние семейные новости. Приходят друзья и родственники. На выходные девушку забирают домой и даже празднуют ее дни рождения. Ее возят в кино. Все медсестры и санитары разговаривают с Эми, сообщают свое имя, объясняют, что и зачем будут делать, какие процедуры проводить и какие лекарства давать. Спустя семь месяцев в серой зоне Эми снова стала личностью.

Все глубже погружаясь в это новое направление в науке, я не мог и предположить, что же именно хотел сделать. В самом начале мне думалось, что все происходит случайно, как результат нескольких совпадений. Однако теперь, оглядываясь назад, я вижу ясно: все началось по воле сложнейших переплетений ткани самой жизни, которая связывает нас в одно целое причудливыми и неожиданными способами. Мой путь в серую зону берет начало в том непонятном и удивительном явлении, которому я стал свидетелем в тихом пригороде южного Лондона теплым июльским днем двадцать лет назад...

1

Призрак, который меня преследует

Люди не живут и не умирают,
они просто держатся на плаву,
Она ушла с человеком в длин-
ном черном пальто.

Боб Дилан

Научные исследования порой идут странной дорогой. Когда я только начинал изучать нейропсихологию в Кембриджском университете, где занимался связями между поведением и мозгом, я влюбился в Морин, шотландку, — она ко всему прочему была еще и нейропсихологом. Мы встретились осенью 1988 года в Ньюкасле-на-Тайне, английском городке в шестидесяти милях от границы с Шотландией. Меня направили в университет Ньюкасла, чтобы укрепить рабочие отношения между моим научным руководителем, Тревором Роббинсом, и руководителем Морин, который носил совершенно невероятное имя — Патрик Рэббит и искал подтверждения передовым идеям о старении мозга. Нас с Морин будто бы толкнуло друг к другу. Она меня очаровала. У Морин было великолепное чувство юмора, прелестные каштановые локоны и веселые глаза, которые она зажмуривала всякий раз, когда смеялась. А сме-

ялась она постоянно. Я стал приезжать в Ньюкасл-на-Тайне уже по менее связанным с наукой поводам. Приводил за рулем моей старенькой побитой «Фиесты», которую купил с первой зарплаты за целую тысячу фунтов, по шесть часов туда и обратно, тащился в выходные дни по забитым дорогам.

Морин познакомила меня с музыкой. И не с банальными гламурными рокерами из ранних восьмидесятых, с накрашенными глазами, обрызганными лаком волосами и в облегающих комбинезонах, вроде групп «Adam and the Ants», «Culture Club» и «Simple Minds», коими я заслушивался в юности, а с настоящей музыкой, которую я до сих пор ношу в своей душе. С Морин я впервые услышал страстные мелодии, воспевающие легенды о земле и прошлом, о сплетении судеб и жгучем желании. Сентиментальные, задушевные кельтские песни в исполнении группы «Waterboys», Кристи Мура и Дика Гогана. Брат Морин — Фил, живший в городке Сент-Олбанс приблизительно в сорока пяти милях от Кембриджа, — быстро убедил меня, что будущее без гитары в руках — и не будущее вовсе, и отвел в магазинчик, где я купил свою первую электрогитару — «Ямаха»; она до сих пор со мной и навсегда со мной останется.

Попутешествовав несколько месяцев между Кембриджен и Ньюкаслом-на-Тайне, я переехал в пригород столицы, милях в шестидесяти от Лондона, поскольку именно там находились пациенты, которых я изучал. Я продолжил работать нейропсихологом, за что мне платил научный руководитель в Кембридже, и начал собирать материал для докторской диссертации в Институте психиатрии при Лондонском университете. Чтобы исполнять свои обязанности на обоих постах, я ездил в Лондон несколько раз в неделю. Выдерживать такой режим было непросто, но я очень

любил свое дело. Морин нашла работу в Лондоне, и вскоре мы стали счастливыми обладателями собственного жилья — небольшой двухкомнатной квартирки на третьем этаже дома, от которого можно было всего за несколько минут дойти пешком до больницы Модсли и Института психиатрии в южном Лондоне, где мы теперь работали.

Здание, точнее, здания Института психиатрии не могут не разочаровать своим видом — бессмысленный лабиринт строений без малейшего намека на солидность и академическую репутацию. Мой кабинет находился в сборном панельном домике, в Великобритании такие называют «жилыми вагончиками». Зимой в них леденящий холод, а летом жарко, не продохнуть. Как только хлопает входная дверь, весь домик вздрагивает. Нас не раз обещали перевести в одно из зданий института, говорили, что вагончики скоро снесут. Когда же я вернулся в Институт психиатрии спустя много лет, то, к своему изумлению, обнаружил эти хлипкие домишкы на прежнем месте. В них наверняка по традиции трудились честолюбивые аспиранты.

Наше с Морин восторженное настроение и счастливые дни после переезда в общую квартиру вскоре сменились рутиной: мы каждый день посещали пациентов по всей южной Англии, сидели в бесконечных пробках в Лондоне, выискивали свободные места на автомобильных стоянках неподалеку от дома. А мне к тому же приходилось заводить «Фиесту» от соседского аккумулятора, когда машина решала никуда не ехать, что случалось с ней почти каждое утро.

Работая в институте и больнице с пациентами, невозможно оставаться к ним безучастным. По холодным коридорам зданий бродили, казалось, легионы душ, страдающих депрессией, шизофренией, эпилепсией и деменцией — приобретенным слабоумием. Морин,